

П. А. СОРОКИН

Николай Бердяев

Николай Бердяев родился в России в 1874 г., умер во Франции в 1948 г. Он окончил Киевский университет и посещал Уилденбэндские лекции в Хейделбергском университете. В самом начале своей научной карьеры недолгое время увлекался марксизмом — и был одним из первых марксистов в России, за что был арестован и сослан в Вологодскую губернию царским правительством. Вскоре он избавился от всего ненаучного в марксизме и стал одним из выдающихся русских мыслителей-идеалистов. Помимо прочих должностей, Бердяев был заведующим кафедрой политэкономии в Московском университете, а также одним из создателей Русского религиозно-философского общества. В 1922 г. Бердяев был арестован Советским правительством и выслан из России (в одной группе со мной)¹.

Бердяев — автор многих работ по философии, социологии, политэкономии и этике. Его перу принадлежат «Смысл творчества» (1916 г.), «Смысл истории» (1923 г.), «Философия неравенства» (1922 г.), «Новое средневековье» (1924 г.), «Христианство и классовая борьба» (1931 г.), «Одиночество и общество» (1930 г.) и многие другие. Большинство его книг переведены на иностранные языки.

Не касаясь метафизических концепций философии истории Бердяева, нельзя не упомянуть основные эмпирические положения его трактовки исторических событий.

1. Методологически простое описание отдельных исторических событий, личностей и объектов делает историю похожей на труп. «Когда читаешь научную книгу, скажем, о древних народах, отчетливо чувствуешь, как вместо истории культуры, души, внутренней жизни этих народов получаешь лишь внешнюю картинку, фотографию», которая ни в малейшей степени не объясняет, почему, откуда, даже как возникли все эти события и персонажи. Чтобы понять все эти «почему» и «как»,

душу и внутреннюю логику истории, необходимо, чтобы не только история как объект была исторической, но и чтобы субъект исторического познания, изучая предмет, и сам бы раскрывал в себе «историческое». Необходимо, чтобы изучающий субъект и изучаемый объект истории стали едины, чтобы субъект сам пережил исторические события, а не просто смотрел на них со стороны. В этом вопросе Бердяев, подобно Шпенглеру и Нортропу, настаивает на прямой интуитивной идентификации познающего субъекта с познаваемым объектом, без которой вообще невозможно какое-либо адекватное понимание любых процессов, тем более исторических и социокультурных.

2. Подобно некоторым другим авторам, работы которых находятся в поле его зрения, Бердяев отрицает все формы линейной интерпретации исторического процесса и одновременно все линейные теории прогресса в их нелинейном взаимодействии постоянно меняющихся, спиралевидных разновидностей, имеющих многочисленные вариации. Теории прогресса не состоятельны ни с метафизической, ни с логической, ни с фактологической, ни с этической точки зрения.

3. Все великие культуры, если рассматривать их в рамках эмпирической истории, и смертны и бессмертны одновременно. Они несут в себе и временные и вечные принципы. Каждая культура переживает периоды рождения и расцвета, взлетов и падений и в конце концов исчезает как единое целое. В то же время каждая из великих культур благодаря заложенным в ней непреходящим ценностям продолжается в вечности. Греко-романская культура не исчезла бесследно вместе со своим падением. Такие вечные ценности, как римское законодательство, греческое искусство, греческая философия и т. п., продолжают жить в культуре средних веков, в арабской культуре они и по сей день живут полнокровной жизнью. Иными словами, умирают лишь временные, преходящие культурные ценности, непреходящие же живут до тех пор, пока продолжается человеческая история. Даже после своего эмпирического конца вечные ценности, правда, в несколько преобразованном виде, переходят в «трансцендентальное измерение», неким трансцендентным, мистическим образом преступив пределы эмпирической истории.

Бердяев в самой общей форме останавливается на том, что я определяю как преходящие или непреходящие элементы культуры, их неопределенно долгий или ограниченный жизненный путь. Именно на это-то и не обращали внимания наши социологи и историки-философы.

4. Независимо от Шпенглера, а возможно, и раньше него, Бердяев считал, что западная культура уже прошла свою варварскую средневековохристианскую и современную гуманистически-секуляристскую стадии. Средневековохристианский период закончился в XIII столетии, а гуманистический завершился где-то в XIX столетии. По Бердяеву, XX столетие — переходный период от завершающейся гуманистической фазы к «новым средним векам».

Главной задачей средневековой фазы западнохристианской культуры, по представлению Бердяева, было дисциплинировать, разносторонне развить и одухотворить человека, или аккумулировать «духовную энергию» в развитой личности и западной культуре. Монашество и рыцарство выполнили свои функции, дисциплинировав и одухотворив человека. Образы монаха и рыцаря, по сути, разновидности дисциплинированной, разносторонне развитой, духовно свободной, хорошо интегрированной, не боящейся внешнего мира личности, но невероятно сконцентрированной на внутреннем мире через «силы», сосредоточивающиеся вокруг Царства Божия. Эта средневековая стадия должна была завершиться и завершилась, поскольку она сковывала потенции значительно окрепших сил, препятствуя свободе творчества в новой исторической реальности. Средние века завершаются в XIII столетии удивительным, мистическим, христианским Ренессансом, который как бы перекидывает мостик к последующему гуманистическому периоду. Иоахим Флорийский, Св. Франциск Ассизский, Данте, Джотто, Св. Томас Аквинский — блистательные звезды неповторимого Ренессанса, ставшего зенитом и закатом средневековья.

Затем следует по сути своей нехристианская, даже, более того, антихристианская фаза западной культуры — секулярный гуманизм. Гуманизм ставит человека в центр Вселенной, считает его высшей ценностью и мерой всего. Его главным предназначением было высвободить и развить творческие силы человека — испытание и проверка человека свободой безо всяких ограничений, когда единственной силой сдерживания является разум, здравый смысл и самоконтроль. Это был период освобождения человека от разного рода «сверхчеловеческого» контроля и децентрализации его сконцентрированных внутренних сил, период, в течение которого он исчерпал свою творческую энергию, накопленную в период средневековья, и отказался от приоритета религиозных ценностей, характерных для средних веков. То был период секуляризации и внешней свободы. Эти задачи были выполнены в течение каких-нибудь шести

веков. Гуманистическая культура растратила большую часть накопленной в предыдущие периоды энергии, исчерпала свою творческую силу. В результате в XIX столетии гуманистическая культура все в большей степени имманентно вырабатывала зародыши собственного уничтожения. Диалектика средневековохристианской и гуманистически-модернистской фаз развития неизбежно вела к их закату.

Средневековохристианская культура устремлялась лишь ввысь, к Царству Божьему, и отрицала ценность эмпирического Града Человека. Но вместо того чтобы быть поглощенной Градом Божиим, она завершила свое существование в Граде человеческом. Христианская церковь превратилась в наиболее влиятельную эмпирическую организацию всей средневековой Европы. Гуманистическая культура, возвысившись до человека-творца, его славы и власти, стремилась одновременно сделать его своим владыкой и хозяином эмпирического мира. Все это в конце концов привело к полной деморализации человека, дезинтеграции созданной им Вселенной и истощению его творческих сил:

«Диалектика истории заключается в самоутверждении человека, что привело к его самоуничтожению, и развитию свободной игры чисто человеческих сил, не связанных со сверхчеловеческими высшими силами, что привело к истощению творческих человеческих ресурсов... Страстное стремление к созданию красоты и совершенству формы, которым ознаменовался приход гуманистического периода Ренессанса, привело к искажению и разрушению совершенства формы... Чем увереннее человек в период гуманизма полагался на себя и чем дальше уходил от христианской, божественной природы личности периода средневековья, тем менее творческим, менее могущественным и способным к самоконтролю он становился».

Человек вступает в период гуманизма преисполненным радости и уверенности в своих силах. Он покидает его глубоко разочарованный в своих надеждах и стремлениях, иллюзорными оказываются и его мечты о Человеке и Культуре. Ему не удается осуществить ни одной из своих больших надежд.

Кризис и окончание гуманистической фазы развития были совершенно очевидны в XIX столетии. Вторжение машин и технологии в жизнь человека нанесло гуманизму смертельный удар.

Все возрастающая потеря контроля человека над созданной человеческой расой машинной Вселенной, ослабевающий самоконтроль над низменными, животными инстинктами челове-

ка, усиливающееся разрушение самого образа подлинного человека-гуманиста и появление деморализованного человеческого механизма и человекообразного животного, не имеющего ничего общего с подлинным гуманистом, — таковы некоторые приметы конца фазы гуманизма. Появление все в большем количестве антигуманистических философов и идеологий — следующая ступень. В качестве одного из таких примеров можно привести слова Ницше, прозвучавшие как приговор: «Человек — это скопище стыда и позора, человека надо преодолеть и переступить». По сути, это означало — с гуманизмом надо покончить, чтобы открыть дорогу сверхчеловеку. Маркс также пожертвовал человеком и гуманизмом, принеся их на алтарь антигуманному, надличностному царству коллективизма. Даже такие философы и идеологи, как Кант, Конт, Спенсер, вплоть до Гуссерля, выступали с антигуманистических позиций. Более того, гуманистическая этика и эстетика, политика и экономика либо приобретали негуманистические формы, либо дезинтегрировались, превращаясь в отдельные частности, лишённые силы, формы, власти и контроля. Возникло много мистических течений. В XIX столетии социализм, анархизм, капитализм, футуризм, «модернизм» и теософия — все, казалось, встали против гуманистической культуры, смертельно ранив ее. В наше время гуманистическая фаза в основном завершена и человечество вступает в «новое средневековье».

5. Анализируя причины распада всех великих культур как целостных систем (сохраняются лишь непреходящие ценности) и упадка созидательной силы, Бердяев делает в высшей степени интересное обобщение: «Культура — не реализация новой жизни, нового способа существования, а реализация новых ценностей. Все достижения культуры скорее символичны, чем реалистичны».

В периоды творческого подъема культура создает ценности не для практических, утилитарных целей или гедонистского наслаждения эмпирической жизнью, а ради ценностей как таковых. Она создает истину ради истины и познания, красоту ради красоты, добро ради добра. Во всем этом мало «реальной, практической жизни», страстной «воли к жизни», сильного стремления организовать «жизнь», наслаждаться «жизнью». Во всем этом мало практической пользы.

Однако, создав ценности, культура имманентно меняет свою направленность и входит в «цивилизацию», по Шпенглеру. Созданные ценности не могут помочь вступить в реальную жизнь и изменить ее; изменения меняют и саму культуру. Теперь она

стремится к практической реализации власти, к практической организации жизни, к распространению достигнутых результатов. Расцвет искусства и науки, оттачивание и рафинирование мысли, высшие взлеты художественного творчества, размышления над таинством Царства Божьего и гения — эти понятия все меньше воспринимаются как реальная жизнь, все меньше вдохновляют как высшая цель. Вместо этого растет сильная воля жить, наслаждаться «полной реальной жизнью», овладевать, улучшать и трансформировать эту жизнь. Эта жажда «реальной жизни» в конечном счете и разрушает творческий дух культуры. Период культурного расцвета предполагает жесткое ограничение воли «жить», он требует бескорыстной, в какой-то степени аскетической трансцендентальности вопреки безудержной погоне за «наслаждениями жизни». Когда такое «наслаждение жизнью» овладевает массами, тогда эта «жизнь», а не культурное творчество, становится высшей конечной целью. В силу своей аристократичности культурное творчество и культура все меньше становятся высшей целью, превращаясь в простое средство «практического улучшения жизни», «процветания и счастья». С деградацией культуры и ее низведением до уровня третьеразрядной ценности, играющей роль средства, воля к культуре и бескорыстному творчеству ослабевает и в конечном счете умирает. Одновременно с этим умирает воля к творческому созиданию, и гений постепенно оскудевает. В таких условиях культура не может оставаться на высоком уровне, ее планка опускается все ниже, качество подменяется количеством, развивается своеобразная социальная энтропия, и культура превращается в лишенную творчества «цивилизацию». Культура имманентно приходит в упадок и разрушается, поскольку перестает соответствовать целям и задачам, выдвинутым перед ней творческой фазой.

Это объясняет, почему высший расцвет культуры Германии пришелся на конец XVIII — начало XIX столетия — период, когда в течение нескольких десятилетий мир узнал Лессинга, Гердера, Гете, Шиллера, Канта, Фихте, Гегеля, Гайдна, Бетховена, десятки других звезд первой величины. А ведь это был период, когда реальная жизнь в Германии была бедной, тяжелой, унылой и буржуазной. Такой же жалкой и бедной была жизнь в Италии периода Ренессанса. Условия существования даже великих творцов — будь то Моцарт или Бетховен, Леонардо или Микеланджело — были мучительными, и даже трагичными. «Культура всегда проигрывает в сравнении с жизнью». В определенном смысле культура всегда противоположна жиз-

ни. Когда жизнь становится «цивилизованной», «счастливой и благополучной», тогда творческий дух культуры исчезает и на смену ей приходит «цивилизация». «Культура бескорыстна и не заинтересована в высших достижениях; цивилизация, напротив, всегда утилитарна и заинтересована в них». Такова диалектика упадка — превращение творческого духа культуры в нетворческую цивилизацию.

Хотя эта тенденция и носит универсальный характер, деградация культуры и ее трансформация в цивилизацию не являются единственным предназначением творческого духа культуры. Культура может избрать иной путь — путь религиозного преобразования жизни и посредством этого реализации подлинного существования (бытия). Падение греко-романской культуры произошло именно таким образом. В свой поистине героический период христианство способствовало религиозному преобразованию жизни и созданию великой христианской культуры средневековья. В конечном итоге христианство перестало быть только религиозным, став скорее вербальным, ритуальным, экономическим и политическим инструментом, и в этом качестве лишилось своей трансфигуративной силы. Возможно, переходная культура Запада изберет этот религиозный путь преобразования жизни, для того чтобы увековечить непреходящие ценности и приблизить человечество к настоящей творческой жизни.

Россия может сыграть важную роль в распространении культуры, однако эта роль тем не менее остается проблематичной и неясной. Бердяев не так восторженно относится к России, как Шубарт, Данилевский и Шпенглер. «Традиция культуры в России всегда была слабой. Мы построили довольно уродливую цивилизацию. Варварское начало всегда было сильно в нас. Даже наша воля к религиозному преобразованию жизни заражена своего рода болезненной мечтательностью». При таких обстоятельствах только потенциальная религиозность России в сочетании с постоянными страданиями и осознанием глубины кризиса могут помочь России найти путь религиозного преобразования жизни вместо загнивающей нетворческой цивилизации или варварства.

